

ВОЛЯ К ЖИЗНИ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ КЛАССА

Лидер спровоцировал раскол элиты

В истории страны, как и в жизни отдельного человека, очень трудно определить поворотные точки, в которых совершается исторический выбор. Очень часто ситуацию выбора создают не те события, что помпезно представляются в качестве «судьбоносных», а относительно скромные, ординарные, не заслужившие внимания современников. Ясно, например, что президентские выборы 1996 г. были лишь мнимой ситуацией исторического выбора, ибо их исход на деле был «запрограммирован». Наоборот, очень может быть, что неожиданная отставка правительства Черномырдина — событие значительно более важное по своим последствиям, чем может показаться на первый взгляд.

В основе своей эта отставка — спонтанное, не основанное на каких-либо тонких расчетах, иррациональное решение Ельцина. Психологические его истоки более или менее понятны. Ельцин дряхлеет и все острее чувствует пределы своих возможностей. В такой ситуации у многих стариков, тем более волевых и ориентированных на «мужественность», борьбу и победу, очень часто возникает желание усилием воли преодолеть этот неизбежный процесс. В зависимости от характера, ценностных ориентации, представлений о том, что такое «настоящая жизнь», разные люди могут совершать разного типа поступки. Кто-то резко меняет род занятий, образ жизни, кто-то уходит от жены, с которой прожил всю жизнь, к какой-нибудь молодой шлюшке. Ельцин поступил так, как подсказывали ему его представления о поступках «настоящего, сильного человека» и его прошлый опыт — неожиданно убрал своего преданного, испытанного товарища и приблизил никому не известного юношу.

Между тем последствия поступка Ельцина могут быть такими, о которых он и не подозревает. Следуя своим импульсам, мощному стремлению к власти, Ельцин всегда разрушал что-то, чему он раньше клялся служить, — КПСС, СССР, Конституции Российской Федерации.

Однако всегда эти действия объективно служили интересам элиты, которая стремилась освободиться от КПСС и СССР, приватизировать государственную собственность и т. д. Но сейчас ельцинский спонтанный импульс впервые пошел вразрез с интересами правящего класса.

В чем заключаются интересы этого класса? Их со свойственной ему откровенностью ясно и четко выразил в своем недавнем интервью Борис Березовский: «обеспечить преемственность реформ» после неизбежного ухода Ельцина и гарантировать себя от нового передела собственности, то есть гарантировать, что все приобретенное в ельцинский период останется у тех, кто приобрел. Самым идеальным способом обеспечить такую «преемственность реформ» была бы, конечно, монархия при четком и всеми признанном законе о престолонаследии. Но хотя мечты о монархии « витают в воздухе », они, несомненно, так и останутся маниловскими мечтами — картина венчания на царство бывшего первого секретаря обкома КПСС или призыва маленького Романова бывшими комсомольскими чиновниками (которые станут, наверное,

графами и князьями?) слишком смешна и эстетически чудовищна, чтобы относиться к ней серьезно.

Между тем любая другая ситуация передачи власти для господствующего класса — очень опасна. При этом опасность исходит не от оппозиции — «классическая оппозиция» в лице КПРФ ясно показала, что большой угрозы от нее нет, а «неклассическая» (генерал Лебедь) свои шансы тоже подрастеряла. Опасность исходит от самой элиты, раскол которой при уходе Ельцина практически неизбежен. Даже в партии большевиков, где все-таки были Политбюро и ЦК, смерть вождя всегда вызывала ожесточенную борьбу за власть — с выливанием компромата и апелляцией к «номенклатурным» массам. Что же тогда ожидать от нашей неформализованной, организационно не оформленной партии власти, состоящей из людей очень алчных и с очень неразвитым чувством партийной и классовой солидарности? Если Березовский, эту опасность отлично видящий и старающийся ее предотвратить, в том же интервью, где он об этом говорит, допускает выпады против своего «товарища по партии» Потанина, можно представить себе, что он станет делать этому Потанину в ситуации временного безвластия. Даже отлично понимая классовый интерес, он не сможет пойти против «натуры» и объективно будет способствовать переделу собственности, которого так боится.

Черномырдин — как премьер, как человек, который по Конституции выполнял бы обязанности Ельцина в случае его ухода и как его наиболее вероятный преемник, разумеется, не гарантирован от всплеска междуусобной борьбы за власть. Но он минимизировал эту опасность для господствующего класса. Он устраивал многих и разных людей, в нем были надежность и предсказуемость, он лишен болезненной ельцинской черты — стремления постоянно утверждать свою «мужественность».

Его преемнику Сергею Кириенко, чтобы утвердиться в качестве лидера правящего класса, во-первых, нужно время, которого, очевидно, нет. Во-вторых, достоинства, которые могут привлечь в молодом человеке его старого начальника — скромность, послушание и т. д., — это как раз те качества, которые лишают этого молодого человека возможности объединить враждующие группировки элиты и понравиться народу, который у нас особенно ценит силу.

Таким образом, Ельцин спровоцировал внутрипартийный раскол. Похоже, он уже начался. Черномырдин отказался от унижительной и двусмысленной роли ответственного за непонятно чью избирательную кампанию и заявил, что будет баллотироваться сам. И значительная часть политического актива отнеслась к его самовыдвижению с симпатией. Но без премьерского портфеля, без публичного благословения Ельцина стать единым кандидатом правящего класса ему будет значительно труднее, чем раньше. Наверняка на этом поле у него будут конкуренты. Для господствующего класса это очень плохо. Но плохо ли это для народа России?

В ситуации, когда приходится выбирать между властью и оппозицией, наш народ, никогда в своей истории верховную власть не переизбиравший, предпочитает выбирать власть, то есть просто заявляет, что готов терпеть ее и дальше. Против объединенной элиты народ бессилён, но, когда партия власти будет расколота, ему придется действительно выбирать, а не играть роль статиста в имитирующей выборы инсценировке.

Объединенная элита при такой оппозиции, как наша, и заранее обеспеченной победе может о народе практически не думать. Но при схватке разных

группировок элиты каждая из них будет стараться чем-то привлечь общество, и его интересы в какой-то мере будут учитываться. Наконец, группировки будут стараться избавиться от своих слишком уж одиозных членов. Таким образом, для народа и демократического развития России раскол элиты, которого

так боится Березовский и который сделал неизбежным Ельцин, может иметь самые добрые последствия. Очень вероятно, что Ельцин, сам того не подозревая, совершил важный исторический выбор, объективно пойдя против интересов правящей элиты и открыв путь для дальнейшего демократического развития России.